

Свидетели экономического

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

70 процентов населения России – не бедные и не средний класс. Эта основная часть наших граждан представляет собой большое «социальное болото», которое лишено активной государственной поддержки и не ощущает на себе в полной мере экономических успехов России последних лет. Непродуманная реализация реформ ЖКХ, образования и здравоохранения может привести к тому, что многие из этих 70 процентов станут армией бедных.

Такова точка зрения известного российского социолога, члена ученого совета Московского отделения фонда Карнеги, директора Независимого института социальной политики Татьяны Михайловны Малевой. Наш корреспондент встретился с ней в Москве на семинаре клуба региональной журналистики «Из первых уст». Признанный эксперт рассказала нашей газете о своем видении развития российского общества и последствий реформ, активно проводимых в стране в последние 15 лет.

– Как население России отреагировало на проведение радикальных экономических реформ?

– На первом этапе реформ кабинеты министров действовали без оглядки на население. Социальные процессы в обществе для них были неким фоном, к которому выработывалось следующее отношение: «Если фон будет возмущаться, может быть, мы что-нибудь скорректируем». Последовало двукратное сокращение ВВП, резкое падение уровня доходов населения, появилась скрытая безработица. Люди роптали, но вяло. Они смогли без помощи государства адаптироваться к преобразованиям и довольно неблагоприятным условиям жизни. При этом дистанцировались от государства. Вот почему многие реформы в дальнейшем не привели к желаемому результату.

Но на рубеже 1996 – 1997 годов произошел перелом, и социальные реформы стали происходить не на словах, а на деле. На мой взгляд, причиной такой перемены послужила прагматичная позиция власти. Очевидно, что социальная политика середины 90-х годов – очень дорогое мероприятие, которое не вписывается в рамки государственного бюджета. Поэтому надо искать пути реформирования, чтобы снизить бремя расходов на государство, переложив их на различных участников этого процесса, в том числе и на население.

Самое слабое звено в формировании целостной концепции социальной политики в России заключается в том, что все программы, законы и политика государства строились в отрыве от базового понимания, что сегодня представляет собой наше общество.

– Что с ним произошло? Удалось ли сформировать российский средний класс как базовую часть общества, которая выиграла от преобразований в стране?

– Это один из дискуссионных вопросов, потому что формирование и развитие среднего класса многими рассматривается как критерий эффективности реформ. Мы провели специальное исследование, общий объем выборки составил 5 тысяч респондентов.

Итак, что такое средний класс? Во-первых, это люди с хорошим высшим образованием, которые конкурентоспособны на рынке труда и получают достойное вознаграждение. Это социально-профессиональный срез, почти 22 процента российского населения отвечают этим критериям.

Во-вторых, если мы исследуем материально-имущественное положение, то около 21 процента населения можно признать соответствующим уровню среднего класса. Но это другие группы, они пересекаются с первой только на 9 процентов. Если мы исследуем население с точки зрения его самооценки – кто себя видит как средний класс, мы получаем 40 процентов. Но это тоже другие группы населения. Пересечение происходит на уровне 12 – 13 процентов.

На пересечении всех трех признаков – около 7 процентов населения, это почти идеальный российский средний класс, у которого есть все: доходы, жилье, сбережения, высшее образование, стабильная работа, самооценка. Двумя из трех возможных признаков обладают также значительные группы населения. Они ведут себя очень похожим образом с этим «ядром» – в потреблении, образе жизни, экономических стратегиях. В результате к обобщенному среднему классу в России можно отнести почти 20 процентов населения. Ситуация лучше в городах – это около одной трети жителей.

Есть миф о том, что средний класс необыкновенно законопослушен и заинтересован в разрушении неформальной экономики. Ничего подобного. Российский средний класс, с одной стороны, является продуктом неформальных экономических отношений, но с другой – это класс, на котором держится теневой сектор экономики. Они признают, что неформальные отношения – очень плохо, но в них тоже можно существовать. Это не инициаторы реформ: средний класс консервативен, ему они не нужны.

– Со средним классом определились. Тогда что такое российская бедность? Россия – бедная страна?

– Исследователи и государственные ведомства относятся к проблеме бедности совершенно по-разному. Оценка ее масштабов варьируется так – к бедным относят от 7 до 70 процентов российского населения. Если мы попросим людей оценить свое положение по сравнению со среднемировыми стандартами, получится, что у нас 70 процентов – бедные. Если это признать, то надо поставить крест на социальной и экономической политике государства, а на Министерство труда повесить большой замок. В государстве, где столько бедных, делать нечего.

Точно такой же нонсенс, если брать официальную оценку зоны бедности: около 20 процентов населения. Это тоже что-то невероятное: нельзя столько людей поддержать за счет средств государства. Если мы посмотрим на зону хронической, воспроизводящей бедности, то есть на людей, кто не может покрыть жизненные потребности в течение длительного периода времени, то получается, что крайне бедными, практически нищими у нас являются 10 процентов населения. Это ненамного больше, чем во многих странах мира, где около 7 – 15 процентов бедного

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

населения. И это не драма современной России.

– Если средний класс – это 20 процентов, бедные – 10, кто же остальные, большинство наших граждан?

– Драма российского общества заключается в том, что между средним и низшим классами находится огромная масса – 70 процентов населения с неопределенным экономическим и социальным положением. Они уже не бедные, их доходы выше прожиточного минимума, у них есть образование, они оценивают свое положение выше, чем бедное. Но эти люди не могут себя причислить и к среднему классу. По сути дела, это базовый социальный слой, который определяет все, что происходит в нашей стране.

Государственные программы, которые направлены на поддержку 10 процентов бедных, не могут изменить общее положение 70 процентов россиян. С другой стороны, те механизмы рыночных преобразований, которые касаются благополучной части – 20 процентов населения, тоже не доходят до этих людей. Образуется аморфная социальная «яма». Это не потребители результатов экономического роста, а свидетели. Данная группа делится приблизительно пополам. У 33 процентов больше шансов приблизиться к среднему классу – им чего-то не хватает, но если это преодолеть, они смогут стать российским средним классом. Но у остальных 37 процентов этих ресурсов значительно меньше, и они похожи скорее на бедных.

Мы сделали оценку социальных последствий жилищно-коммунальной реформы для населения, рассматривали опасность роста тарифов на электроэнергию. В случае их двух- или трехкратного увеличения эти 37 процентов практически превращаются в бедных. Более того, после реформы ЖКХ и повышения цен на электроэнергию около 50 процентов населения будет нуждаться в жилищных субсидиях. Трудно поддерживать

реформы, которые делают 50 процентов населения получателями тех или иных видов социальной помощи. Абсолютно большая часть занятых работников, у кого низкая заработная плата и кто относится к 70 процентам населения, – это бюджетники. Они демонстрируют не стратегии развития, а стратегии выживания.

Заработную плату за счет средств государственного бюджета им можно повысить примерно на 20 процентов, что не изменит радикально ситуацию этих людей. Уровень так называемого недостающего дохода, который позволил бы им покинуть зону неопределенности, выйти на стабильное социально-экономическое положение, многократно превышает эти 20 процентов.

Вопрос заключается в реформе самой бюджетной сферы. Не может быть высокой заработной плата в неэффективном экономическом секторе. Проблема там заключается не в распределении, а в зарабатывании этих денег.

– Вопрос о реформах бюджетной сферы. Как я понимаю, одним из их принципов является приход рыночных отношений в образование и здравоохранение. Если 70 процентов населения России – это относительно бедные люди, то откуда они возьмут деньги, чтобы платить за эти услуги?

– На самом деле население за услуги в медицине и образовании давно уже платит вне зависимости от уровня доходов.

Эти отрасли традиционно занимаются плечем Ярославны: в образовании и здравоохранении у нас мало бюджетных денег. Это лукавство. Здесь сосредоточены огромные финансовые ресурсы, кратно превосходящие прямые дотации государственного бюджета. Весь вопрос в том, куда они распределяются. Даже на периферии, в средних и малых городах, в деревне, где часто нет живых денег, население платит, как показывают наши исследования.

В этой ситуации надо не отказываться от перехода бюджетной сферы на рыночные механизмы, а легализовать эти неформальные финансовые потоки. Мы сталкиваемся со стеной экономических интересов, которая препятствует реформированию. При том, что представители отраслей жалуются на свое уязвимое положение, именно они оказывают дикое сопротивление. Их устраивает статус-кво. Здесь две причины. Первая – это огромный экономический интерес, который, в частности, связан и с неформальными платежами. Второе – это некоторая консервативность, когда действительно неизвестны результаты будущих реформ. Сегодня пусть плохо, но мы приспособились к этим правилам игры. Что будет завтра, мы не знаем. Население тоже опасается реформ в этой области, хотя недовольно уровнем доступности образования и здравоохранения.

– Как вы оцениваете официальные бравурные отчеты чиновников, что в России за последние три года происходит резкий рост доходов населения?

– Это еще один миф. Четыре года в России продолжается устойчивый экономический рост. В 2003-м были самые существенные темпы экономического роста за последние годы. Произошел естественный рост заработной платы тех работников, которые включены в наиболее успешные экономические отрасли – сырьевые, телекоммуникационные, финансовые. Строго говоря, это показывает, что богатей наш средний класс – 20 процентов населения.

Экономический рост расширяет возможности бюджета. Значит, будут реализованы социальные программы, адресованные наименее успешным и наиболее уязвимым социальным группам. Это для 10 процентов бедных. В итоге рост доходов населения означает, что наши бедные немножко разбогатели, мы немножечко их

Телители экономического роста

не бедные и не средний класс. представляет собой большое плечо активной государственной политики в полной мере экономических реформ. Удачная реализация реформы может привести к тому, что вытеснит армию бедных.

Во-вторых, если мы исследуем материально-имущественное положение, то около 21 процента населения можно признать соответствующим уровню среднего класса. Но это другие группы, они пересекаются с первой только на 9 процентов. Если мы исследуем население с точки зрения его самооценки — кто себя видит как средний класс, мы получаем 40 процентов. Но это тоже другие группы населения. Пересечение происходит на уровне 12 — 13 процентов.

На пересечении всех трех признаков — около 7 процентов населения, это почти идеальный российский средний класс, у которого есть все: доходы, жилье, сбережения, высшее образование, стабильная работа, самооценка. Два из трех возможных признаков обладают также значительные группы населения. Они ведут себя очень похожим образом с этим «ядром» — в потреблении, образе жизни, экономических стратегиях. В результате к обобщенному среднему классу в России можно отнести почти 20 процентов населения. Ситуация лучше в городах — это около одной трети жителей.

Есть миф о том, что средний класс необыкновенно законопослушен и заинтересован в разрушении неформальной экономики. Ничего подобного. Российский средний класс, с одной стороны, является продуктом неформальных экономических отношений, но с другой — это каркас, на котором держится теневой сектор экономики. Они признают, что неформальные отношения — очень плохо, но в них тоже можно существовать. Это не инициаторы реформ: средний класс консервативен, ему они не нужны.

— Со средним классом определились. Тогда что такое российская бедность? Россия — бедная страна?

— Исследователи и государственные ведомства относятся к проблеме бедности совершенно по-разному. Оценка ее масштабов варьируется так — к бедным относят от 7 до 70 процентов российского населения. Если мы попросим людей оценить свое положение по сравнению со среднемировыми стандартами, получится, что у нас 70 процентов — бедные. Если это признать, то надо поставить крест на социальной и экономической политике государства, а на Министерство труда повесить большой замок. В государстве, где столько бедных, делать нечего.

Точно такой же нонсенс, если брать официальную оценку зоны бедности: около 20 процентов населения. Это тоже что-то невероятное: нельзя столько людей поддерживать за счет средств государства. Если мы посмотрим на зону хронической, воспроизводящей бедности, то есть на людей, кто не может покрыть жизненные потребности в течение длительного периода времени, то получается, что крайне бедными, практически нищими у нас являются 10 процентов населения. Это ненамного больше, чем во многих странах мира, где около 7 — 15 процентов бедного

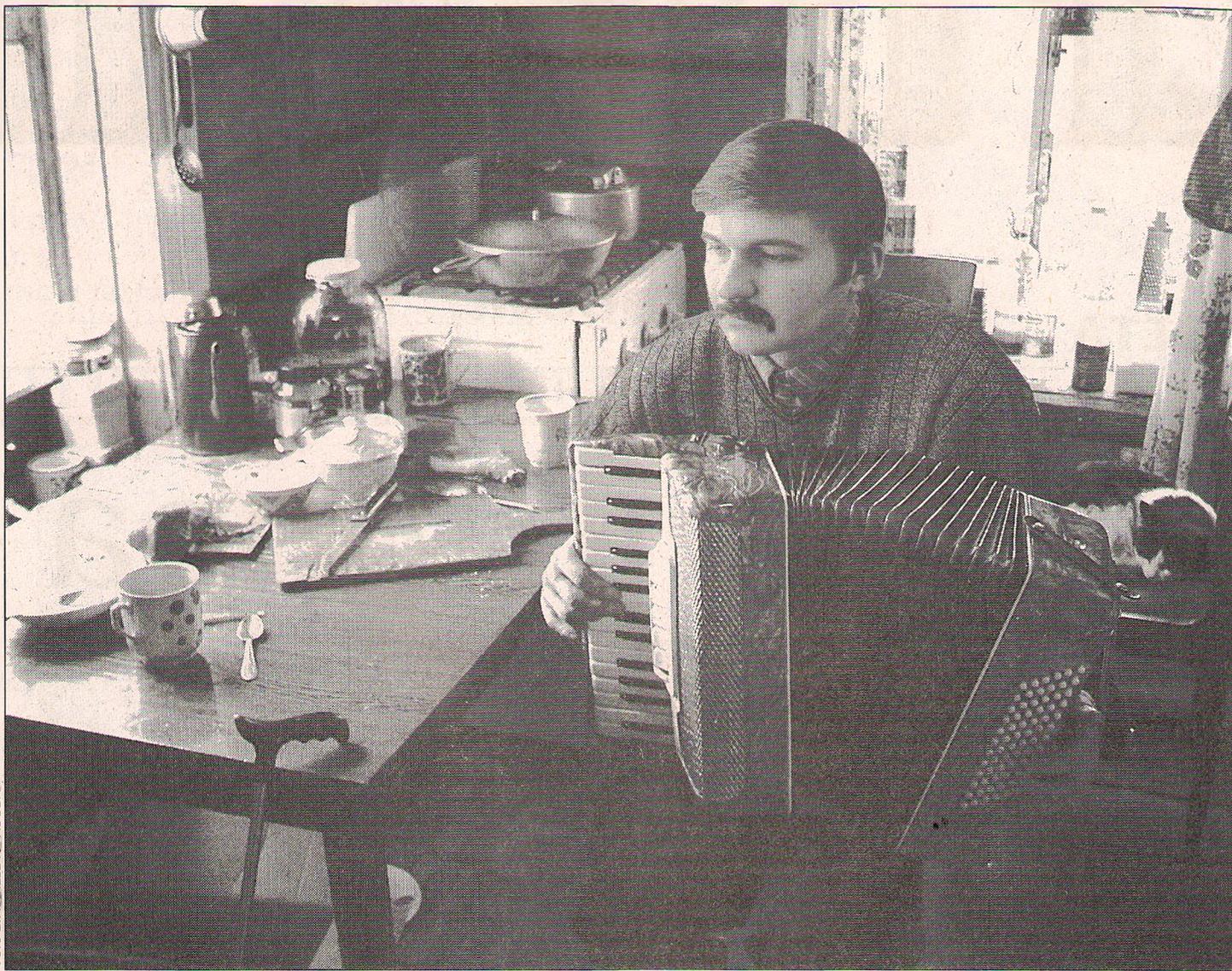

Фото Вячеслава ЮФАСОВА

населения. И это не драма современной России.

— Если средний класс — это 20 процентов, бедные — 10, кто же остальные, большинство наших граждан?

— Драма российского общества заключается в том, что между средним и низшим классами находится огромная масса — 70 процентов населения с неопределенным экономическим и социальным положением. Они уже не бедные, их доходы выше прожиточного минимума, у них есть образование, они оценивают свое положение выше, чем бедное. Но эти люди не могут себя причислить и к среднему классу. По сути дела, это базовый социальный слой, который определяет все, что происходит в нашей стране.

Государственные программы, которые направлены на поддержку 10 процентов бедных, не могут изменить общее положение 70 процентов россиян. С другой стороны, те механизмы рыночных преобразований, которые касаются благополучной части — 20 процентов населения, тоже не доходят до этих людей. Образуется аморфная социальная «яма». Это не потребители результатов экономического роста, а свидетели. Данная группа делится приблизительно пополам. У 33 процентов больше шансов приблизиться к среднему классу — им чего-то не хватает, но если это преодолеть, они смогут стать российским средним классом. Но у остальных 37 процентов этих ресурсов значительно меньше, и они похожи скорее на бедных.

Мы сделали оценку социальных последствий жилищно-коммунальной реформы для населения, рассматривали опасность роста тарифов на электроэнергию. В случае их двух- или трехкратного увеличения эти 37 процентов практически превращаются в бедных. Более того, после реформы ЖКХ и повышения цен на электроэнергию около 50 процентов населения будет нуждаться в жилищных субсидиях. Трудно поддерживать

реформы, которые делают 50 процентов населения получателями тех или иных видов социальной помощи. Абсолютно большая часть занятых работников, у кого низкая заработная плата и кто относится к 70 процентам населения, — это бюджетники. Они демонстрируют не стратегии развития, а стратегии выживания.

Заработную плату за счет средств государственного бюджета им можно повысить примерно на 20 процентов, что не изменит радикально ситуацию этих людей. Уровень так называемого недостающего дохода, который позволил бы им покинуть зону неопределенности, выйти на стабильное социально-экономическое положение, многократно превышает эти 20 процентов.

Вопрос заключается в реформе самой бюджетной сферы. Не может быть высокой заработной платы в низкоэффективном экономическом секторе. Проблема там заключается не в распределении, а в зарабатывании этих денег.

— Вопрос о реформах бюджетной сферы. Как я понимаю, одним из их принципов является приход рыночных отношений в образование и здравоохранение. Если 70 процентов населения России — это относительно бедные люди, то откуда они возьмут деньги, чтобы платить за эти услуги?

— На самом деле население за услуги в медицине и образовании давно уже платит вне зависимости от уровня доходов.

Эти отрасли традиционно занимают плачем Ярославны: в образовании и здравоохранении у нас мало бюджетных денег. Это лукавство. Здесь сосредоточены огромные финансовые ресурсы, кратно превосходящие прямые дотации государственного бюджета. Весь вопрос в том, куда они распределяются. Даже на периферии, в средних и малых городах, в деревне, где часто нет живых денег, население платит, как показывают наши исследования.

В этой ситуации надо не отказываться от перехода бюджетной сферы на рыночные механизмы, а легализовать эти неформальные финансовые потоки. Мы сталкиваемся со стеной экономических интересов, которая препятствует реформированию. При том, что представители отраслей жалуются на свое уязвимое положение, именно они оказывают дикое сопротивление. Их устраивает статус-кво. Здесь две причины. Первая — это огромный экономический интерес, который, в частности, связан и с неформальными платежами. Второе — это некоторая консервативность, когда действительно неизвестны результаты будущих реформ. Сегодня пусть плохо, но мы приспособились к этим правилам игры. Что будет завтра, мы не знаем. Население тоже опасается реформ в этой области, хотя недовольно уровнем доступности образования и здравоохранения.

— Как вы оцениваете официальные бравурные отчеты чиновников, что в России за последние три года происходит резкий рост доходов населения?

— Это еще один миф. Четыре года в России продолжается устойчивый экономический рост. В 2003-м были самые существенные темпы экономического роста за последние годы. Произошел естественный рост заработной платы тех работников, которые включены в наиболее успешные экономические отрасли — сырьевые, телекоммуникационные, финансовые. Строго говоря, это показывает, что богатее наш средний класс — 20 процентов населения.

Экономический рост расширяет возможности бюджета. Значит, будут реализованы социальные программы, адресованные наименее успешным и наиболее уязвимым социальным группам. Это для 10 процентов бедных. В итоге рост доходов населения означает, что наши бедные немножко разбогатели, мы немножко их

подтянули до прожиточного минимума. Но при этом все результаты экономического роста в основном достались богатым. И они опять не коснулись 70 процентов населения из проблемной зоны.

Есть еще один показатель, который очень настораживает, — уровень социального расслоения общества. Я считаю, что масштабы дифференциации в современной России могут быть опасными. Есть коэффициент фондов, который рассчитывается следующим образом. Все население делится на 10 групп по возрастанию доходов. В нижних 10 процентах концентрируются самые бедные, в 10 высших — самые богатые. Сейчас доходы 10 процентов самых бедных в 14 раз меньше доходов самых богатых. Сразу оговорюсь, что по альтернативным государственным статистикам исследованиям это соотношение выше и достигает 20 раз.

— Реформа ЖКХ сделает бедных еще беднее. Может быть, нам такие преобразования вообще не нужны?

— Несмотря на то, что реформа ЖКХ проводится неумело и грубо, при всех ее опасностях я все равно ее поддерживаю. У нас при сравнении с другими странами доля платежей населения, связанная с жилищно-коммунальным сектором, многократно ниже. У нас услуги ЖКХ одни из самых дешевых. Но дешево не бывает хорошо. Пока так будет, система ЖКХ не заработает эффективно, поэтому рано или поздно идти на реформу в этой области придется. Сейчас предпринимается попытка сделать это более-менее плавно, хотя все равно речь идет о том, что мы будем платить за услуги ЖКХ в два-три раза больше. Я вас уверяю, что если отложить реформу еще лет на пять, то мы будем платить за нее уже в десять раз больше, всю нашу заработную плату. И нам будет негде жить.

Подготовил Виктор ФЕДОРОВ.